

УДК 801.52

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООНИМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ДАРГИНСКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Г. Гаджиалиева

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье анализируются зоонимические характеристики человека в даргинском и арабском языках. Установлено, что в даргинском и арабском этническом сознании одни и те же зоонимы могут по-разному интерпретироваться для характеристики человека.

This article deals with zoonymic characteristics of a person in the Dargin and Arabic languages. It has been found that for the characteristics of a person the same zoonyms may be interpreted in different ways in the Dargin and Arabic ethnic awareness.

Ключевые слова: зоонимическая характеристика; метафора; концептуализация; видение мира; этничность; интегральность; дифференциальность.

Keywords: zoonymic characteristic; metaphor; conceptualization; outlook; ethnicity; integral; differential.

Во все увеличивающемся корпусе сравнительно-сопоставительных антропоцентрических исследований в дагестанском языкознании материалы арабского и даргинского языков встречаются единично [1].

В настоящей статье приводятся результаты проведенного сравнительного анализа зоонимической характеристики человека в арабском и даргинском языках.

Сопоставительное изучение даргинского и арабского языков в дагестанском языкознании являет собой досадную лакуну. В то же время затронутый аспект весьма актуален не только для даргинской и арабской лингвистики, но и для нахско-дагестанского и семитского языкознания с учетом, соответственно, их общего происхождения.

Сравнение зооморфической картины мира даргинского и арабского языков указывает на преимущественно различную метафорическую интерпретацию онтологии прототипических денотатов в этнической психологии носителей этих языков [2].

«Волк» (*бецI*, *жанивар/ذئب*) *бецI* в сознании носителей даргинского языка – мужественный, бесстрашный и решительный человек, и всегда имеет положительную коннотацию [3].

Второй зооним – *жанивар*, заимствованный из персидского, на почве даргинского языка изменил значение в направлении от видового к родовому (волк-зверь) и в речи может быть носителем как положительной коннотации применительно к номинации детей «волчонок» (в смысле крепыш), так и отрицательной коннотации по отношению к взрослым.

В арабском этническом сознании «волк» *ذئب* репрезентирует вероломство, враждебность [4].

Таким образом, в сознании арабов волк олицетворяет отрицательные морально-этические качества, а в даргинском – положительные: мужество, бесстрашие, решительность и имеет положительную коннотацию.

В сознании арабов «волчица» *سلفه* более агрессивна, чем «волк» и метафорически репрезентирует не только хитроумие, вероломство и враждебность, но и властность – это метафора для обозначения властной женщины-хищницы, чего не отмечено в даргинском языке [4].

Образ собаки в этническом сознании арабов весьма противоречив, *كلب* «собака» это единство противоположностей, символизирует одновременно прожорливость, скупость, неуживчивость: *لكل قوم كلب، فلا تكن كلب اصحابك* «У любого коллектива есть своя собака! Не будь

ею для своих друзей». С другой стороны, *كلب* «собака» метафорический кодификатор благодарности. Однако чаще всего «собака» предполагает отрицательную коннотацию и переходит в разряд инвективов.

В даргинской этничности *хя* «собака» – это метафорически уважаемый старейшина рода, который «охраняет, сторожит свой *тухум*, клан» и обладает положительной коннотацией.

Зооним, обозначающий зайца (*gIяра/أرنب*) в сопоставляемых языках, является олицетворением трусости. Это обстоятельство обусловлено характером прототипического денотата, который не обладает средствами защиты и спасается бегством – действие, позволяющее ему выжить как биологическому виду, что воспринимается как трусость.

В сравниваемых культурах зооним со значением «лиса» (*гурда/ثعلب*) является воплощением хитрости, однако в арабской ментальности хитрость якобы заключена в хвосте номинируемого животного, в то время как в даргинском общественном сознании хвост этого денотата как маркер хитроумия не отмечен. В даргинском языке «хитрость» репрезентирована также в образе кошки: *gIямултар гата!* «хитрая кошка!»¹.

«Обезьяна» (*маймун/فرد*), которая в даргинском языке концептуально не имеет родовых различий, репрезентирует светлого человека, что свойственно и арабскому языку. В то же время видовые различия зоонима *فرد*, имеющие место в арабском языке, вносят в метафорический образ дополнительную коннотацию – трусость, а в даргинском – уродство.

Прототипический денотат «осел» (*gIемхIe/حمار*) является метафорическим воплощением упрямства и глупости у многих народов, что отмечено и в сознании носителей даргинского и арабского языков. В обоих языках этот зооним может легко перейти в инвектив. Более эксплицитно сказанное выражено в арабской этничности: *برئت من رب يركب الحمار* «Я отказался от хозяина, который ездит на осле», то есть к хозяину осла на работу не нанимается даже самый бедный араб. Эта отрицательная коннотация обусловлена онтологией осла. В даргинском и арабском этническом мышлении для эпитета «осел» общим является коннотация «глупость», а отличается этот зооним тем, что в даргинском языке референт символизирует «бездарный труд», а в арабской этничности – «терпеливость и презрение». Это животное не глупее остальных представителей животного мира, отрицательная коннотация, приписываемая ослу, – результат его почти никчемной хозяйственной роли – перевозки небольших грузов.

«Гепард» (*пьяцIнар жита/فهد*), олицетворяющий сонливость в арабском языке, не отмечен в бестиарии даргинского языка. Равным образом, зооним медведь, метафорически репрезентирующий большого и тучного человека в даргинской этнической психологии, в корпусе зоонимов, характеризующих человека, в арабском языке не отмечен.

Конь/лошадь (*урчи/حصان*) для арабов – величайшая ценность [5]. Однако, несмотря на свой высокий статус в арабском этническом сознании, зооним «конь» ситуативно может выступать и в качестве репрезентанта отрицательной коннотации: *افصح هزيلين الفرس و المرأة* «Самая отвратительная худоба (бывает) у лошади и у женщин».

В корпусе фразеологизмов даргинского языка с семемой «конь/лошадь» эти зоонимы отмечены как несущие отрицательную коннотацию, применительно к особе женского пола: *Урчи ггуна рухъяна!* «как лошадь высокая!».

Зооним в значении «лев» (*кгаплан/اسد*) в сравниваемых языках олицетворяет социально значимую личность. В даргинском языке *кгаплан*² «лев» ассоциируется с храбрым воином, представленным как «вскормленный львицей», и всегда имеет положительную коннотацию [3].

В арабской этничности, кроме храбрости, лев титулован как «обладатель гривы». Ему приписываются человеческие качества; он благороден и находится на вершине социальной «иерархии» [4].

¹ Информация А.А. Омарова, преподавателя арабского языка факультета востоковедения Даггосуниверситета, носителя урахинского диалекта даргинского языка.

² В русско-даргинской лексикографии «лев» передается словом *арслан*, которое как зоонимический компонент в структуре фразеологизмов не отмечено.

Синоним зоонима «лев» Усама اسامة так же, как и «лев» اسد ассоциируется с храбростью и благородством. «Льву» اسد присуща прожорливость, что не приемлемо для личности, номинируемой зоонимом Усама.

В арабской ментальности орнитоним «курица» (دجاجة/ġIяргIя) воспринимается как любвеобильная нежная мать, что обусловлено онтологией прототипического денотата – высиживанием и заботой о множестве цыплят. Даргинское этническое сознание приписывает «курице» забывчивость [3]. К тому же орнитоним ġIяргIя «курица» в даргинском языке используется для репрезентации антисанитарии, грязи, в то время как в арабском языке название دجاجة «курица» ассоциируется с «грязью» морального порядка.

Орнитоним (دبک/дагъа) «петух» в арабском общественном сознании воспринимается многолико: это олицетворение храбрости и доблести, «ревнивец, охраняющий свой гарем», а также символизирует редкое явление. Все эти метафорические характеристики мотивированы естественностью этой птицы. Одновременно «петух», наряду с «попугаем», является эталоном красоты, что также мотивировано онтологией петуха – красочной внешностью. В то же время «кукареку» петуха вызывает неприятные ассоциации у арабов, эта особенность не обусловлена естественностью этой домашней птицы, а приписывается ей арабской традицией: арабы имели привычку вести долгие ночные разговоры, а когда петух возвещал о рассвете, им приходилось прерывать разговоры, что воспринималось, как нечто неприятное [4].

Даргинский этнос из всех онтологических особенностей петуха на фразеологическом уровне концептуализировал драчливость и вспыльчивость и может иметь отрицательную коннотацию.

Орнитоним (حمامة/лагъа) «голубка» в сознании даргинцев – это метафора для обозначения нежной, красивой женщины и обращение в межличностных отношениях старшей женщины к младшей, а внутри семьи – мужа к жене. Публичное нежное обращение мужчины к женщине в даргинском этносе табуировано. У арабов апостроф يا حمامة «о, моя голубка!» звучит нежно и не допускает повышения тона и раздражительности. Вместе с тем в общественной психологии арабов «голубка» вызывает представление о бестолковости, которую народная этимология объясняет тем, что денотат не может правильно свить гнездо и большая часть яиц разбиваются.

Следует отметить, что орнитоним حمامة «голубка» в арабской этничности символизирует печаль – свойство, не проистекающее из онтологии этой птицы. Печаль, приписываемая голубке, обусловлена давлением языковой системы: корневая морфема حم соотносена с представлениями о смерти, черным цветом, болезнью [6].

В арабской этничности характеристика человека через зооним «муравей» (نملة/имиала) всегда имеет положительную коннотацию: человек-муравей – это трудоголик, сильный и запасливый хозяин, которому присуща терпеливость и острое обоняние. Из всех этих качеств, метафорически перенесенных с муравья на человека, в даргинской этничности отмечено «трудолюбие». В отличие от арабского языка в даргинской наивной картине мира имиала «муравей» репрезентирует также и медлительность [3].

«Орел» (نسر/чIака) в арабском языке олицетворяет славу, а в плане физических качеств – острое зрение и большую скорость. В этническом сознании даргинцев метафорически отложилась другая особенность орла – способ добычи жертвы – внезапность и решительность [3].

Еще более интересным представляется ономазиологический аспект межъязыкового бестиария сопоставляемых языков. Так, «лиса» или же «кошка» в даргинском языке характеризуют «хитрость», а в арабском языке в этой же функции может быть «волк». Трусость в даргинском мышлении олицетворяется в образе зайца, а для араба трусливый не только заяц, но и страус, обезьяна, лисенок, птенец. В арабском сознании страус олицетворяет также душу человека, душевное состояние. Когда человек печален, говорят: ماتت نعامته (букв. «у него страус умер»), а даргинцы используют выражение: *Ихала ġемхIе бегġили саб* (букв. «у него осел умер») «он очень опечален». В общественном сознании

даргинцев «осел» это воплощение глупости, а в арабском этническом сознании глупость концептуализирована еще и в образах страуса, козла, голубя, мула, черепахи.

Для даргинцев смелый – это волк или лев, а также те, кто «выпил молоко львицы», «съел сердце змеи», «переночевал с волками». Для носителей арабского языка смелость является в образе льва *اسد*, Усамы (собственное имя льва), мухи, а также и того, кто кастрировал льва.

Коварство и вероломство в этническом сознании даргинцев реализуется в образе черной змеи, да и вообще змеи, в то время как это свойство у арабов приписывается волку, враждебность у носителей даргинского языка также олицетворяется в образе змеи, а у арабов не только змеи, но и волка, и скорпиона.

Представление о красоте у даргинцев вербализуется через орнитоним «голубка», в то время как эта птица у арабов символизирует глупость и печаль, а красота репрезентируется в образе павлина, попугая, петуха или верблюда. В сознании арабов верблюд это не только красота, но и доброта.

Если у даргинцев «кошка» вызывает негативную коннотацию бесполезности, то у арабов кошка ассоциируется с благочестием.

Естественно, что преимущественно совпадающими являются характеристики человека через зоонимическую репрезентацию с опорой на онтологии зайца, лисы, осла. Метафорическая интерпретация последних – трусость, хитрость, глупость, упрямство, соответственно, – представляются интернациональной.

У даргинцев здоровый человек является в образе волчонка, быка или медведя, у арабов здоровье репрезентировано в образе антилопы.

«Сокол» *кгиргга* в даргинском этническом сознании символизирует «смелость, гордость и славу», эти же качества в арабском общественном сознании репрезентирует «орел».

Частичное совпадение характеристики человека в зоонимической фразеологической картине мира арабского и даргинского языков свидетельствует о преимущественно различной концептуализации онтологии одних и тех же прототипических животных в культурах даргинцев и арабов.

Наряду с указанными общими, частично общими и дифференциальными признаками характеристики человека через названия представителей животного мира в сопоставляемых языках отмечены зоонимы, не используемые в качестве эпитетов человека.

Сравнение бестиария в даргинском и арабском языках свидетельствует о том, что зоонимы «антилопа», «мул», «козел», «страус», «павлин», «ворона», «стервятник», «рыба», «шелкопряд», «скорпион», «мотылек», «саранча», «клещ» для метафорической характеристики человека в даргинском языке не используются. В то же время, как показывает сравнение, в арабском языке для репрезентации духовного облика человека не используются зоонимы «лягушка», «баран», «теленок», «коза», «свинья», «кошка», «овца», «бык», «буйвол», «сова», «сокол» и «медведь», присущие даргинскому языку. Экзотичными для даргинского этноса являются прототипические денотаты зоонимов «антилопа», «страус», «павлин», чем можно объяснить отсутствие в даргинском языке метафорических характеристик через эти зоонимы.

Для арабского этноса экзотичным животным может быть медведь, что объясняет тот факт, что арабы не используют зооним в значении «медведь» для репрезентации характеристик человека.

Широкая лакунарность фразеологических единиц в сравниваемых языках при наличии в бестиарии даргинского и арабского языков одних и тех же животных, которые обычны в хозяйственной жизни либо обитают на территории сравниваемых этносов, свидетельствует также о преимущественно различном видении мира носителями даргинского и арабского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Омаров А.А.* Морфологические и синтаксические особенности масдара даргинского и арабского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 168 с.
2. *Гаджиалиева М.Г., Рамазанова А.Х.* Прототипические ситуации в зложеланиях даргинского языка // Вестн. ДГУ. 2013. Вып. 3. С. 181–185.
3. *Исаев М.-Ш.А.* Зооним *бецI* «волк» как компонент структуры фразеологической единицы даргинского языка (Этнолингвистический аспект) // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц. Махачкала, 1988. С. 59–68.
4. Арабские пословицы и поговорки / сост. *Абуль-Фадль аль-Майдани*; пер. с араб. *И. Сарбулатова* [Электронный ресурс]. URL: <http://babylonians.narod.ru> (дата обращения: 10.03.2015).
5. *Кухарева Е.В.* Лингвострановедческий словарь арабских паремий (с лексико-фразеологическими комментариями). М., 2007. 278 с.
6. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1989. 928 с.

Поступила в редакцию 28.04.2015 г.

Принята к печати 29.06.2015 г.